1917 1967

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БУДЬ ГОТОВ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 42-й | № 14 (5077) | Пятница, 17 февраля 1967 г. | Цена 1 коп.

КАК СЕРДЦЕ БОНИВУРА

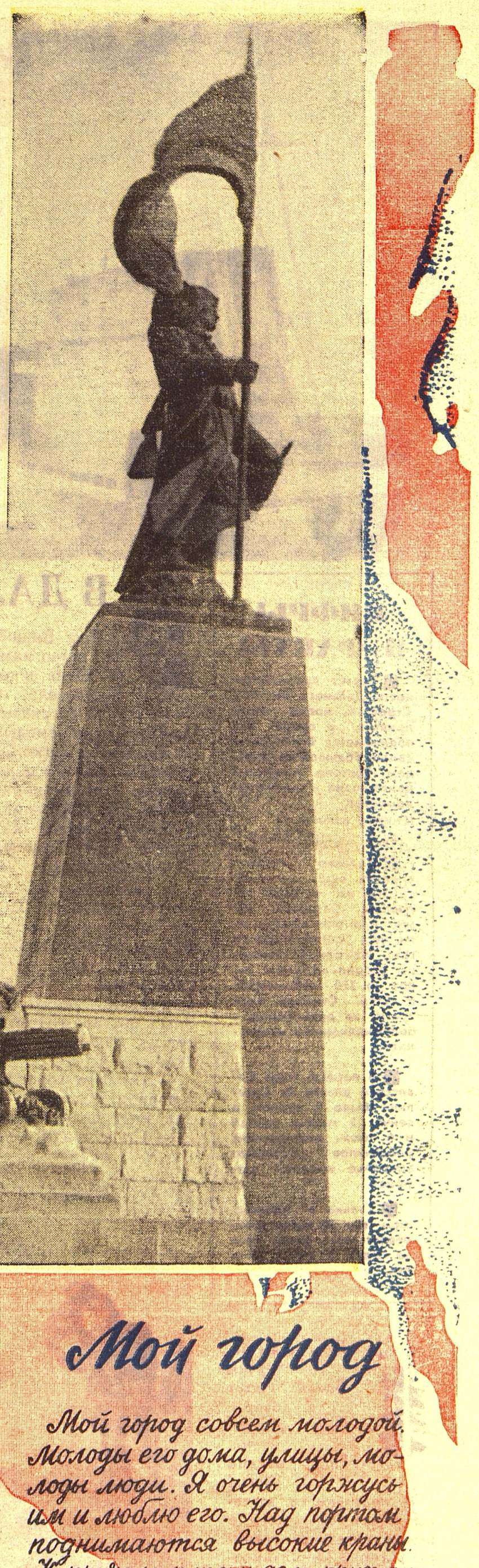
От горизонта к берегу катятся волны. Поднимись на приморские скалы, прислушайся, как Родина дышит ветром Тихого океана. Здесь закончили свой поход герои Волочаевки и Спасска. Здесь омыли океанской водой тёмные от пороховой гари лица...

Там, где стояли бойцы, возвышаются памятники. А от причалов Владивостока во все страны уходят суда с именами героев. У них учатся мужеству пионеры сегодняшних дней. Зайди в Спасский Дом пионеров. Вместе с юными следопытами ты услышишь рассказ бывших партизан. Молодыми ребятами летели они по улицам родного города на белогвардейские цепи, на полки интервентов. Пионеры хорошо знают, как брали здесь с боем каждый дом. Знают и учатся сами отцовской твёрдости духа. Вспомнить только один велопробег из Чугуевки в Находку и Владивосток! Начались проливные дожди, тайга бушевала от потоков, и вдруг в пути отказал мотоцикл — единственный в группе. Сорок пять километров пронесли его ребята по болотам, а навстречу уже двигался тайфун. Это были их штурмовые ночи.

За Уссурийском, под Кондратеновкой, стоит обелиск над могилой отважного комсомольца Виталия Бонивура. Сотни ребят дают здесь клятву, что их сердца будут биться на счастье народа, как сердце Бонивура. Что, как он, будут любить они эту прекрасную землю. Её города, возведённые советским народом. Весь этот край, который Владимир Ильич Ленин с любовью называл далёким, но нашенским.

Щедра дальневосточная земля. Но главное её богатство — люди большой души. Это они поднимают среди лесов новые кварталы, берут у таёжных недр несметные богатства, ведут к далёким берегам корабли. Их жизнь — пример для ребят. У них учатся пионеры жить, строить и беречь рубежи нашей Родины.

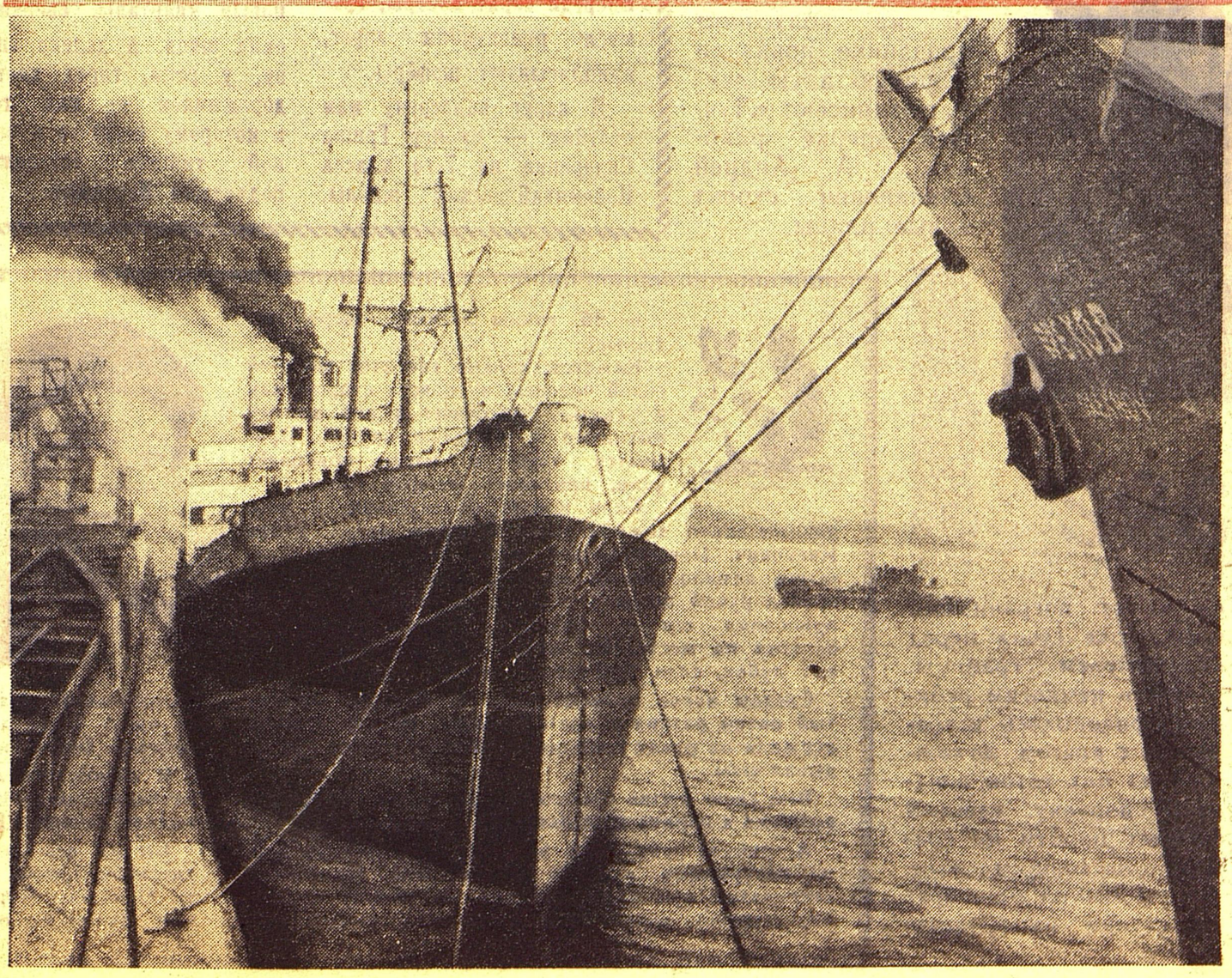
■ Больше трёх тысяч километров проехали на машинах по Дальнему Востоку наши корреспонденты В. Коржиков и Я. Шахновский с блокнотом и фотоаппаратом. Трудно рассказать сразу обо всём увиденном в этом крае новостроек и могучей современной техники, передовых зверосовхозов и богатых колхозных полей. Но о нескольких интересных встречах они рассказывают сегодня в газете.



Над улицами Владивостока возвышается памятник борцам за Советскую власть на Дальнем Востоке.

Вместо старого маломощного флота дореволюционных времён на Дальнем Востоке поднялся флот-гигант. С каждым годом он пополняется новыми великолепными судами, которые способны брать на палубу десятки тысяч тонн груза.

НА СНИМКЕ: у причалов порта Находка.

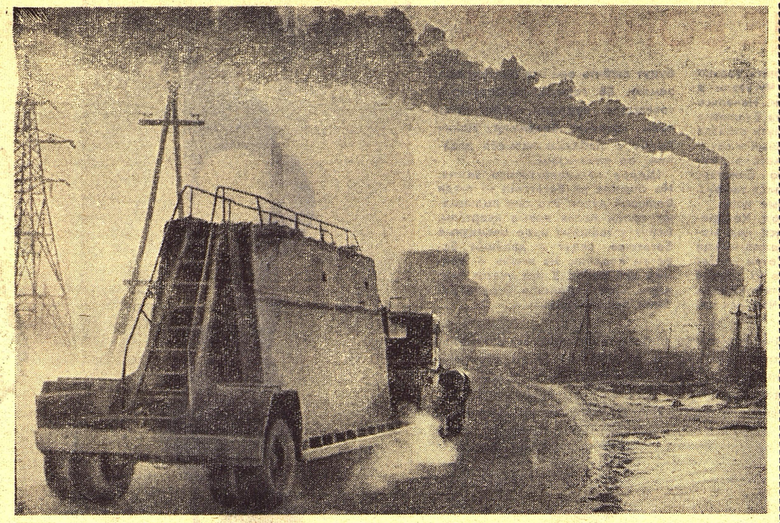


Мой город

Мой город совсем молодой. Молоды его дома, улицы, молоды люди. Я очень горжусь им и люблю его. Над портом поднимаются высокие краны. К причалам то и дело приходят суда с рыбой, с богатством дальневосточных морей. А в далёкие страны идут пароходы под советским флагом. Братской Кубе они везут лес для строительства. Сражающемуся Вьетнаму — медикаменты, машины. Ведут эти пароходы наши мужественные люди-моряки, которые живут в нашем городе.

Матвеева Тоня.

г. Находка.



ЦИФРЫ И ФАКТЫ

■ Растёт промышленность Дальнего Востока. Строятся новые предприятия, и среди них поднимается богатырь — самый большой на Дальнем Востоке Амурский целлюлозно - картонный комбинат.
(Снимок вверху).

Фото В. СМЕТАНИНА.

■ Недавно геологи сделали ещё одно открытие на острове сокровищ Сахалине. На этот раз они обнаружили два месторождения газа. Из одной скважины ударил «фонтан» силой в 350 кубометров в сутки. Столько газа тратит за день город с полумиллионным населением.

■ В первые годы Советской власти на Сахалине было 9 врачей, а сейчас 2 тысячи врачей и 6 тысяч медицинских работников охраняют здоровье жителей острова.

■ Только в прошедшем году 30 тысяч дальневосточных детей сели за парты в новых школах.

В ДАЛЁКОМ КОЛХОЗЕ

Над Вишнёвкой гудел ветер, наметал снега. Окна школы густо заиндевели, и когда учительница рассказывала про Арктику, про смелых полярников, совсем легко было представить себя где-нибудь на льдине с челюскинцами. Притихла Валя Шуклина. Вовка Губенко смотрел на подклеенную карту, где у полюса толпились голубые льды.

А недалеко, в правлении колхоза, по-чапаевски склонился над картой председатель Андрей Степанович Компанец.

— Вот этот участок тайги раскорчуем, — показывал Компанец колхозникам. — Здесь поставим Дом культуры, тут — механические мастерские.

— План-то хороший, — заговорили вокруг. — Только для этого силы нужны.

— Силы надо готовить, — засмеялся Компанец.

На следующий день он отправился в школу. Школа часто выручала его. Многие известные трактористы и знатные доярки сидели когда-то в её классах. Разговор Компанец начал прямо. Планы большие, сделаем Вишнёвку красавицей. Нужна помощь.

Но нелегко приходилось председателю. Дома многим говорили: «В город поедешь. Вон Вера — орден получила и то уехала. Культура не та...»

Компанец соглашался, но тут же убеждал:

— А ты возьми да такой Дом культуры отстрой, чтоб не было скуки. Для этого и зовём...

И летом, как всегда, многие ребята пришли к нему.

— Мы в механизаторы, — сказали братья Васюковы.

— А меня дояркой, — просила Валя Шуклина.

Давно стоит на пригорке новенький Дом культуры. Желтеет новым кирпичом ремонтная мастерская. Стал опытным трактористом Володя Губенко. Вале Шуклиной както на колхозном празднике повязали широкую алую ленту с надписью: «Лучшей доярке района»... А Андрей Степанович строит новые планы.

По снегам летучим
Вдаль идут дозоры.
Под ногами тучи,
Под ногами горы...

А недалеко от заставы живут и учатся в школе советские ребята: Наташа Мирошникова и Валера Меньшойкин, Вася Осипенко и Витя Кардашев. Они любят ходить в лес. Среди зарослей камыша «воюют», играют в хоккей. Но граница есть граница. Здесь держи ухо востро! Так учат ребят друзья пограничники. Если старшие рассказывают, как Юрий Зарянов задерживал нарушителя, ребята готовы слушать до глубокой ночи. И когда, бывает, им приходится встретиться с нарушителем, они знают, что нужно делать.

Как-то Слава Шитиков из соседнего села увидел на сопке подозрительного человека. Разговорился он с ним, привёл его спокойно домой, накормил, уложил спать, а сам сообщил на заставу: «У нас неизвестный». Через несколько минут пограничный наряд уже стоял перед нарушителем границы.

Пусть немногим ребятам приходилось встречаться с врагом, но каждый из них готов показать сноровку, каждый мечтает пройти по границе настоящим дозором, чтобы ни один враг не ступил на родную землю.

На заставе

ТАМ, ГДЕ СКАКАЛ МЕТЕЛИЦА

«Метелица на совесть гнал жеребца, согнувшись над ним, как хищная птица, жестоко и весело раздувая ноздри...»

Тысячу раз перечитывал я с детства эти фадеевские строки. Помните, как ночью в долине у реки партизанский разведчик Метелица увидел костёр, как оставил коня у маленького пастушонка и ушёл в разведку? А как стучало сердце, когда из сада на Метелицу, вытащив пистолет, кинулся белый...

И вот наш газик мчится по этим же местам. Навстречу поднимаются покрытые снегами сопки, попадаются знакомые по книге названия рек, но совсем другая жизнь идёт на их берегах. Навстречу словно выкатился новый город — Арсеньев. Красуются большие дома, новые школы; как снегири, мелькают ребята. Санки, лыжи... Хо-

хот! Подъезжаем к селу Анучино, где когда-то стоял партизанский штаб Лазо. Из-за сопок то и дело навстречу выныривают грузовики с громадными таёжными брёвнами.

Неужели это те места, начало той самой долины и той дороги, по которой скакал Метелица? Едем всё дальше. Морозно, холодно. Впереди горят костры, греются ремонтники дорог, приплясывают шофёры.

И вдруг навстречу нам охотник — пионер Гриша Сидоренко из 7-го класса Новомихайловской школы. На плече ружьё. В руках колонок. Гриша охотится с отцом уже три года. Учится хорошо. Готовится в комсомол. Отец у него дорожный мастер. Это он со своими товарищами ремонтирует дорогу, по которой идут и идут с рудников алые «татры».

Да, другое время и другие люди живут в этих местах. И всё же я часто спрашивал: «Скажите, не здесь ли скакал Метелица?» Многие про него читали, все знают, говорят, что где-то здесь. И Фадеев жил здесь неподалёку, в Чугуевке. Старый партизан Фёдор Фомич Безлюдный сказал мне: «Одного Метелицу я знал. Был он командиром казачьего красного полка. Но тот, что в книге, больше похож на нашего командира Наседкина. Очень лихой был командир...»

Поздно ночью в горняцком посёлке Кавалерово мы сели в новенькую «Победу», и водитель её, Пётр Петрович, услышав наш разговор о Метелице, задумчиво сказал:

— Был и я в этих местах пастушонком. А когда зарубили у меня на глазах двоюродного брата, стал помогать партизанам.

— Может быть, он? — переглянулись мы. Но Пётр Петрович словно угадал наши мысли.

— Кого описал Фадеев, трудно сказать, — усмехнулся Пётр Петрович. — Много нас, пастушков, было здесь. Многие помогали партизанам, а потом пошли в комсомол, на фронт, на стройки. Вон какие места отстроили! — И он кивнул головой на светящуюся улицу.

Перед нами поднимались новые кварталы, сверкали окна школ. А далеко внизу, у реки, горел костёр дорожников — как тот, к которому когда-то в ночной тишине осторожно подъезжал Метелица.

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

■ Рыбаки 105 судов в самых далёких уголках Тихого океана читают сейчас свежие номера газеты «Правда». Газетные полосы передаются специальными радиостанциями прямо на судно по фототелеграфу. В этом году приёмную аппаратуру получат ещё 65 судов.

■ На Дальнем Востоке 57 городов. Но это по старому счёту. Поднимаются Амурск, Солнечный, Лучегорск. Да и самые старые города начинают новую жизнь. За прошедшее семилетие во Владивостоке построен 1 миллион 40 тысяч квадратных метров жилой площади. Появился по существу второй Владивосток.

А в Хабаровске только сейчас жилых домов возводится больше, чем было построено за 60 довоенных лет.

■ Идёт металл «Амурстали», завода, который только что отметил своё 25-летие. (Снимок внизу).

■ В новом юбилейном году строители ввели в действие нефтепровод, который протянулся через Татарский пролив от Охи до Комсомольска - на - Амуре. (Снимок справа).

Фото А. БЛОХНИНА.

ТРИНАДЦАТЬ РЕК И ТЫСЯЧА ПОВОРОТОВ

Весь вечер нам газик штурмовал замерзающие горные реки. Лёд громоздился у самых стёкол. Вода врывалась в кабину.

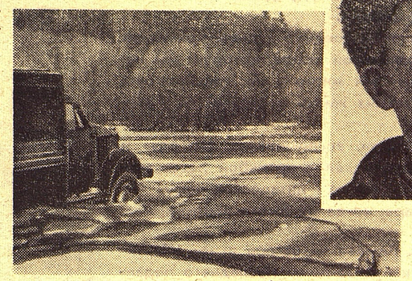
И когда мы перебрались через последнюю реку, то поняли: задание мы выполним, но обратно не пробьёмся. Мороз крепчает, до утра лёд у берегов станет толще, и вряд ли какая машина сможет с ним справиться.

Впереди шумел океан. Перемигивались в небе звёзды, наступила ночь, и мы направились к маленькой рыбацкой гостинице. Нас встретил высокий седой человек и спросил:

— Что волнуетесь?

Мы поделились с ним бедой.

— Да, реки у нас жестокие, — сказал мужчина и, приложив руку к уху, крикнул: — Вы мне погромче говорите! Я танкист. Бывший. Когда штурмовали Берлин, оглох. Тут тоже, как на фронте, штурмуем реки. Двадцать лет почту вожу: письма, «Известия», ребятам «Пионерку». Тайга кругом, одних поворотов, посчитай, тысяча. Да рек тринадцать. — Он качнул головой и представился: — Андреем Прохоровичем Адаменко меня зовут. И тонул здесь, и в снегу по нескольку суток ночевал.



Он повернул к нам обветренное лицо.

— Да, реки здесь жестокие. Маленькие вроде, а коварные. Прошлым летом взялись мы с шофёром женщин подвезти. Одна с шестимесячным дитём в кабине у нас. А в кузове ещё трое с мальчуганом лет пяти. На коленях у меня был мешок с деньгами. Государственными. Поехали. Скоро пошёл дождь, и с гор стала прибывать вода. Едем привычным бродом, и вдруг нас подхватило и понесло. Чувствуем, под колёсами нет дна.

Что делать? Вынесло нас к другому берегу. Машина стала тонуть. Я водителю кричу: «Прыгай!» И только он прыгнул на берег, передаю ему женщину. Потом мальчишку из кузова. Все выбрались, только я не успел. Вскочил на кабину. Ухватился рукой за ветку — с берега дерево свешивалось — и стал привязывать к ней мешок. Думаю, хоть сам потону, так деньги найдут.

Он посмотрел на нас, потом добавил:

— Но вы не бойтесь. Выручим!

Утром, выполнив задание, мы бросились разыскивать Андрея Прохоровича. И вдруг узнали, что он уже уехал. «Неужели бросил?» — огорчились мы.

— А вы его догоняйте, — сказали нам на почте. — Он пока для вас лёд ломает.

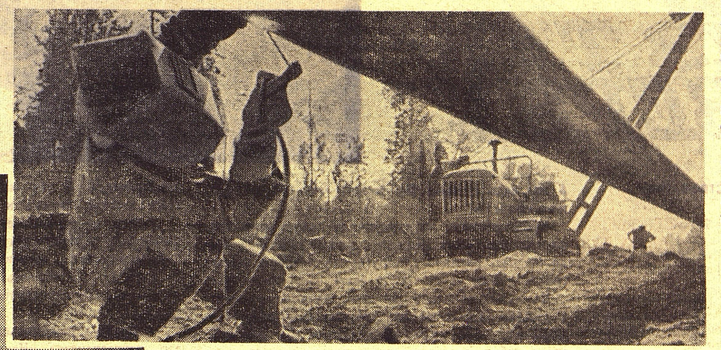
Первую реку мы одолели быстро. Лёд был сломан. А когда подъезжали ко второй, увидели, как среди сверкающих льдин, кренясь и заваливаясь на бок, врезается в льдины почтовый фургон. Неожиданно передние колёса его провалились, и, выскочив из кабины, водитель стал долбить лёд ломом. Андрей Прохорович, в ватнике с пистолетом на боку, подавал команды. Наконец машина, сломав затор, рванулась вперёд.

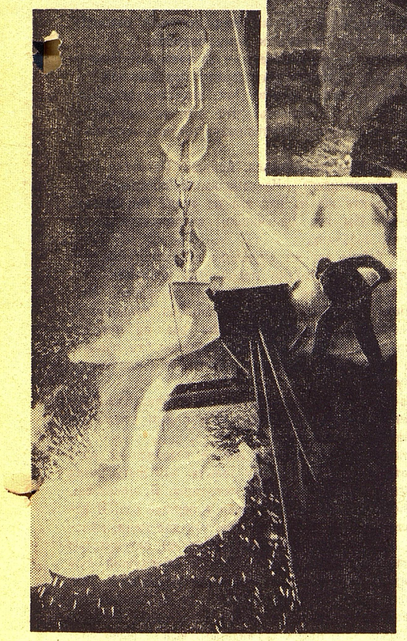
Скоро осталась позади заснеженная тайга, тысячи поворотов дороги, сопки, и Андрей Прохорович помахал нам рукой. Когда мы стали его фотографировать, бывший танкист, приложив руку к уху, спросил:

— А это зачем?

— Для «Пионерской правды».

— А-а... — улыбнулся он и поправил шапку. — Тогда ладно, пусть ребята знают, как её возят, «Пионерку».





НАШИ ДРУЗЬЯ ГОРНЯКИ

— Ребята, Лапик на стадионе!..

— Ребята, Лапик уже пришёл!

Иногда мальчишкам трудно разобраться, к которому Лапику идти. Лапиков на руднике Центральном — целая династия. И почти все занимаются с ребятами. Иван тренировал команду «Золотая шайба». Организовал малые Олимпийские игры. Валентин играет в баскетбол.

Если услышишь в раскомандировочной слова: «Я сегодня на секцию! У меня турнир», — сразу ясно, что это Владимир Георгиевич Лукашкин. Под землёй он маркшейдер. А когда появляется в Доме культуры горняков — настоящий Ботвинник. Вокруг него на столах десятки шахматных досок, над которыми склоняются задумавшиеся ребята. Они иногда недовольно посматривают на соседнюю дверь. Оттуда доносятся звуки оркестра. Это собрал свою пионерскую гвардию крепильщик Иван Домбровский.

Многое ребята знают о горняцком труде. Не раз они приходили на рудник с цветами, когда Герой Социалистического Труда Александр Фёдорович Авдеев устанавливал со своей бригадой рекорды, а ещё чаще приходили на экскурсии. У многих на руднике работают родители. У них учатся ребята выдержке и смелости.

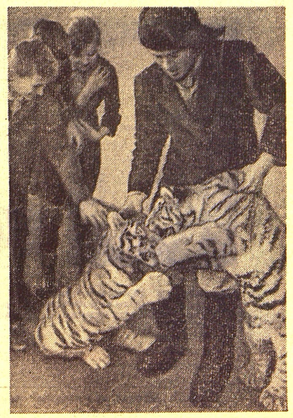
Как-то загорелась сопка, вспыхнул лес. Вместе со взрослыми ребята бросились тушить пожар. Рядом с Авдеевым бежал третьеклассник Керосиров, тот самый, который летом плакал и просил забрать его домой из лагеря. А здесь смело сбивал пламя с ветвей, топтал огонь ногами. Многих ребят наградили тогда путёвками в лагерь, потому что вели они себя мужественно. Как настоящие горняки.

пос. Кавалерово,
рудник Центральный.

ТИГРЫ В КОМНАТЕ

С ТИГРАМИ в одной комнате нам пришлось быть впервые. Саше Липканю, Саше Михову, Свете Онищенко, Нелле Побуте из Иманской школы — тоже. Вместе с нами они поехали посмотреть на тигрят. Но встречу нам вышли две громадные рыжие кошки с могучими лапами и крепкими зубами. Правда, когда их удавалось схватить за холку, они повисали совсем как маленькие котята. А когда они с рёвом начинали теребить нас за брюки, мы, конечно, чувствовали, что это тигры...

Принёс их на Иманскую зообазу егерь Леонид Стригунов из тайги. Выпячила Александра Васильевна Пинегина. И кашу манную варила. И спать укладывала. И врачей им вызывала. Теперь они уже выросли, съедают в день по три килограмма мяса. Иногда грубо рычат на свою «маму», поэтому и решили отправить их в зоопарк.



ДОКТОР АЙБОЛИТ

— Эй, птицы лесные, звери таёжные!

Кажется, крикни так этот могучий седой человек, и со всех сторон, как в сказке, заспешат к его домику мохнатые и пернатые друзья. Примчатся тигр и олень, приползёт удав, притопает мудрый слон.

Слон придёт обязательно. У него давным-давно зажила нога, которую лечил Исаак Иванович. Поволновался тогда Миролюбову пришлось немало. Начал он искать место перелома, провёл рукой по ноге — и вдруг громадный хобот приподнял его — «больно!», покачал на весу и опустил на место. Но когда Миролюбов накладывал лубок, слон благодарно кивнул головой.

Следом новое происшествие: в зоосаду пятнистый питон разбил о клетку голову. Десять человек держали на руках громадную змею, а доктор накладывал швы.

Всю свою жизнь Миролюбов лечил зверей. До революции в цирках и зверинцах.

А грянула революция, началась гражданская война, постучались к нему другие гости. Приходили хитроватые мужики, приводили на поводу старых партизанских коней. Исаак Иванович помогал, он знал: в тайге собирались отряды Сергея Лазо.

Когда красная конница входила во Владивосток, узнавал Миролюбов седоков. Да и лошадок тоже.

Начиналась новая, советская жизнь. Возвращались в родные сёла крестьяне, распахивали поля. А лечить скот было некому. И вдруг разнеслась весть: Иваныч открыл ветлечебницу. Бесплатную!

И потянулись люди. Вёл недавний красноармеец захворавшую лошадь, подталкивал коровёнку какой-нибудь бедняк. Все знали: Миролюбов поможет.

Но его всё-таки тянуло к зверям. Вокруг тайга, тигриные тропы, которыми недавно прошёл Арсеньев. Однажды Миролюбова вызвали в краевой исполком. Нужно было поднимать зверохозяйство. Стране нужна была пушнина. Меха — это золото. Золото было нужно, чтобы строить заводы и фабрики. И поручили пушное дело крепким людям, таким, как Миролюбов. Решили разводить черно-бурых лис. Но в России не было опытных мастеров этого дела. Решили пригласить специалиста из Америки. И вот из-за океана в маленький прибрежный посёлок Седанка прибыл мистер Причард. Он привёз несколько черно-бурых лисиц по две тысячи долларов за штуку! Да и сам мистер обходился недёшево. В американский банк на его счёт что ни день ложилась кучка золота. А на Седанке Причард каждое утро требовал:

— Свежее масло, свежие фрукты.

И много ещё кое-чего требовал Причард в голодное время. А передавать опыт не торопился. Миролюбов вставал раньше всех, выходил к клеткам ночью, присматривался.

И когда мистер Причард намекнул, что он, может, и остался бы, если бы на его счёт клали побольше валюты, Исаак Иванович ответил:

— Спасибо, мистер Причард, зачем же вас задерживать?

— Но я ещё не всё сообщил, — заволновался американец.

— Ничего — успокоил его зверовод. — Мы уже всё поняли.

На международных аукционах, встряхивая седанские меха, специалисты говорили: «Это да!»

Живёт в Приморской тайге чудо природы оленьцветок. Его молодые рога — панты каждой весной наливаются чудодейственными соками. Из них готовят пантокрин. Выпьет хилый — станет крепким. Каждый год отрастают панты у оленей.

Если бы олени умели говорить, они бы рассказали, как с егерями ездил Миролюбов по дремучей тайге, отбивал оленей от хищников, выносил на руках беспомощных оленят. По всей тайге вспоминают Миролюбова добром. И всюду есть его ученики.

У Исаака Ивановича, как всегда, множество дел. Нужно писать книгу об оленях, заглянуть на ферму. А потом поехать в музей Арсеньева. Там соберутся ребята в ожидании весёлых сказок. И выйдет к ним самый настоящий доктор Айболит. Но не маленький, с бородкой, а высокий, могучий, с орденом Трудового Красного Знамени на груди.

Аркадий Петрович ГАЙДАР... Это имя мы произносим так, словно распахиваем дверь в большой звонкоголосый мир, где живут смелые, честные люди, где с мальчишками и девчонками разговаривают на равных.

Жизнь Гайдара и его книги слились воедино и стали примером горячей, преданной любви к прекрасной земле, которую мы называем Родиной. Именно поэтому так много у нас гайдаровских дружин, так много ребят, изучающих жизнь и творчество Аркадия Гайдара.

О Гайдаре написаны книги, статьи, воспоминания. Но идут и идут письма от ребят из городов и сёл с просьбой рассказать подробнее о жизни писателя. Особенно интересует наших читателей тот период жизни Гайдара, когда он был в партизанском отряде.

Мы попросили писателя Б. Н. Камова — автора книги «Партизанской тропой Гайдара» — в канун 25-летия последнего подвига Гайдара ещё раз встретиться с людьми, которые были с Аркадием Петровичем до последних дней его жизни. Так родился документальный очерк «Двое из тех четверых», который сегодня мы начинаем публиковать.

Борис КАМОВ

ДВОЕ ИЗ ТЕХ ЧЕТВЕРЫХ...

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Я пишу сейчас за высоким дубовым столом.

Уже поздно. Под потолком устало светит матовая лампочка. На низкой плите шипит сковорода с растопленным салом: Афанасия Фёдоровна готовит ужин.

Чистя крупные луковицы, нарезая широким ножом картошку, она радостно и в то же время удивлённо, словно не веря самой себе, поглядывает на другой, дальний край стола.

Там, на лавке у окна, сидят двое: высокий мужчина с добрыми тёмными усами и второй — бритый, крупногубый, с мудрыми морщинками у глаз.

Близко придвинувшись, они неслышно беседуют.

Если я захочу — я могу вслушаться. И я даже хочу, но не вслушиваюсь. Друзьям надо поговорить. Они давно не виделись: четверть века. И в этом доме — доме Степанцов — тоже не были четверть века с того дня, как их спас один человек.

Его звали Аркадий Петрович Гайдар.

* * *

Харьков. Июнь 1965 года. Гостиница «Интурист». Рассказывает Сергей Федотович Абрамов:

— В окружение попал осенью сорок первого. Точнее — в сентябре. Служил я тогда в 31-м понтонном батальоне, носил два лейтенантских кубика и считал себя бывалым человеком: до этого я уже участвовал в событиях на Карельском перешейке, был там тяжело ранен.

Батальон наш навёл понтонную переправу под Киевом, а «юнкерсы» её бомбили, и я помню тот сумасшедший день, когда меня три раза подряд смывало с понтона в воду.

А потом приказ оставить Киев. Взрывы мостов. А мы ведь сапёры. Мы знаем, что значит мост построить.

И отступление: по дорогам, по полям, мимо брошенных сёл, мимо женщин с детьми, которые, глядя на нас, плакали. А другие не плакали, просто смотрели нам вслед. И не было сил обернуться.

Не помню, сколько мы шли, пока не замаячил у деревни Семёновки лес. «Можно хоть день передохнуть», — с надеждой подумали мы. Лес оказался набитым такими же, как мы, окруженцами, беженцами, бесхозными походными кухнями, непоеными лошадьми, автомобилями с нераспакованным боевым снаряжением.

Народу тут было много тысяч. И немцы, подогнав ночью танки и автоматчиков, замкнули вокруг леса кольцо. Мы очутились в «мышеловке».

Правда, голодная смерть, пока были лошади, нам не грозила, но сразу же стало плохо с водой, а прорываться из леса удавалось только по ночам, и то маленькими группами, к сожалению, не всем: кому как повезёт...

Нам, к примеру, не повезло. Нас было семнадцать человек из понтонного батальона (я за старшего). Мы было сунулись в одном тихом месте. А по нам — сначала из автоматов, потом из пулемётов.

Пришлось вернуться. И вот, когда мы под утро возвращались к своей землянке, кто-то из моих ребят заметил:

— Товарищ лейтенант, посмотрите, кто это идёт?

Гляжу — военный, командирская фуражка, шинель внакидку, а петлицы на шинели и гимнастёрке пусты.

Надо заметить, что гитлеровцы засылали к нам в Семёновский лес немало всяких лазутчиков и перебежчиков. И тот же боец, который военного этого заметил, первым к нему подошёл.

— Что, — спрашивает, — за товарищ? Почему такой вид? — И винтовку держит под мышкой.

А незнакомец... широко так, радостно улыбнулся (ему это понравилось, что его остановили и спросили), неторопливо поправил на себе шинель и говорит:

— Давайте знакомиться. Аркадий Петрович Гайдар, корреспондент «Комсомольской правды».

Ну, а кто же из нас его не знал? По книгам, конечно. Мы же, мальчишки, воспитывались на его произведениях.

Мои бойцы тут же смущённо окружили Аркадия Петровича, всё ж-таки получилось неудобно.

А он: не верьте, говорит, мне на слово. Расстёгивает карман, достаёт маленькую сафьяновую книжечку — удостоверение. Мы все по очереди (понимаете, любопытно!) удостоверение это посмотрели и бережно, чтоб не помять, не испачкать, вернули.

Вот с тех пор и оказались мы с Аркадием Петровичем вместе. И я лично был с ним вместе до 26 октября.

Скажу прямо: сколько мог, я старался от него не отходить. И не потому только, что быть возле такого человека ну просто интересно. Я, например, живого писателя вообще видел в первый раз. И дело заключалось даже не в том, что для меня, молодого совсем ещё лейтенанта, был он авторитетом громадным. (Я помнил, что он прослужил всю гражданскую). А в том, что рядом с Гайдаром, там, в этой проклятой «мышеловке», где до ближайшего немецкого автоматчика, может быть, самое большое километр, там, рядом с Гайдаром, всегда было спокойнее.

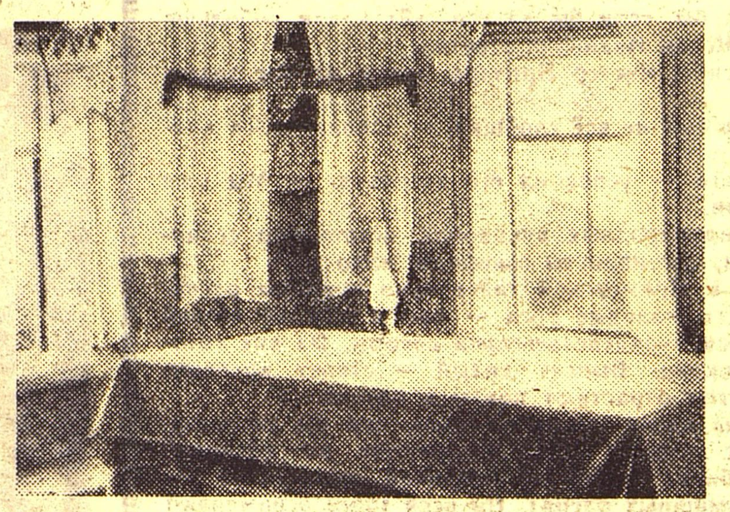
Стоило однажды бойцам приуныть, что вот приходится есть полусырую конину без хлеба, без соли, как Гайдар тут же рассказал случай, который произошёл в гражданскую войну.

Аркадий Петрович служил тогда в Сибири и командовал батальоном. А в горах, где его батальон гонялся за бандами, их настиг гололёд. К тому же кончились продукты у бойцов, и нечем было кормить лошадей.

— И мало того, — говорил Гайдар, — что мы от усталости и голода валились с ног сами, так нам ещё приходилось тащить на себе лошадей. Иначе, если мы их тут, в горах, бросим, то какие же мы без коней кавалеристы?..

В другой раз, когда немцы были совсем близко и невозможно было развести даже костёр, чтобы погреть руки, Гайдар рассказал, как он совсем недавно тонул в речке Трубеж.

(Продолжение следует)



Комната в доме Степанцов. За этим столом при свете этой лампы осенью 1941 года случалось работать Гайдару. Здесь же четверть века спустя встретились его боевые товарищи С. Ф. Абрамов (слева) и В. И. Снрыпник.

Фото 1941 года.

А — 01145. АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон для справок: Д 1-15-00, доб. 2-38. Индекс 50101 Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 369. Редактор Н. М. ЧЕРНОВА